

ПЕДАГОГИКА, ПСИХОЛОГИЯ ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК – ЭКОНОМИКАЛЫҚ ҒЫЛЫМДАР САЛАЛАРЫНДАҒЫ ЗЕРТТЕУЛЕР

ИССЛЕДОВАНИЯ В СФЕРЕ ПЕДАГОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

УДК 330.8

САНДРАЧУК МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ

*кандидат экономических наук,
эксперт, аналитик НПИ новых технологий
и экспертизы (г. Астана)*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ. НАУЧНЫЙ АНАЛИЗ КАЗАХСТАНСКОЙ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.

Түйін. 2009-2013 жылдары Қазақстан экономикасында орын алған нақты дәлелдер негізінде оның «мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігі» институтының әрекеттілігі, сонымен қатар «мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігі» феноменінің шешілмеген теориялы-әдістемелік аспектісі талданады.

Түйінді сөздер: ұлттық қауіпсіздік, ғылыми зерттеу, әлеуметтік-экономикалық жүйе, қауіпсіздік моделі, қауіпсіздікке қатер төндіру, азаматтардың өмір сүру деңгейі, экономикалық өсім.

Аннотация. На основе конкретных фактов, имевших место в экономике Казахстана в 2009 – 2013 годах, анализируется действенность его института «экономическая безопасность государства», а также имеющиеся нерешенные теоретико-методологические аспекты феномена «экономическая безопасность государства».

Ключевые слова: национальная безопасность, научные исследования, социально-экономические системы, модель безопасности, угрозы безопасности, уровень жизни граждан, экономический рост.

Annotation. Based on the facts that took place in the economy of Kazakhstan in 2009 - 2013, the effectiveness of its institution «economic security of the state» is analyzed, as well as the existing unresolved theoretical and methodological aspects of the phenomenon of «economic security of the state».

Keywords: national security, scientific research, socio-economic systems, security model, security threats, living standards of citizens, economic growth.

Предисловие. В научной, и, особенно, в публицистической литературе стран-участниц СНГ, за последние 20 лет накопился внушительный перечень изданий различного формата, посвященных тематике экономической и национальной безопасности государства. Следует подчеркнуть, что этот перечень и

содержание его структурных единиц еще очень далеки от научной систематизации и классификации, тем самым, в силу своей неупорядоченности, вносят в проблематику экономической безопасности много «белого шума». Некоторые аспекты такого «шумового» сопровождения, связанного с раскрытием и исследованием феномена и института «экономическая безопасность государства», и рассматриваются в предисловии к настоящей статье.

Докторские и кандидатские диссертации, монографии, статьи и доклады на научных конференциях и семинарах различного уровня, учебные пособия, методические рекомендации, дипломные работы студентов - выпускников и, даже, курсовые работы студентов – третьекурсников рассматривают национальную, а в ней, и экономическую, безопасность государства, как нечто данное, эволюционное существование которого является одномоментным с началом появления современного государства. Вот не было государства, например, 25 лет назад, не было и национальной, а, следовательно, и экономической безопасности, и продовольственной, и информационной! При этом никто не исследует вопрос о том, существовал ли такой феномен и социально-экономический институт как «экономическая безопасность государства» во времена средневековья, Древней Греции или Римской империи, не говоря уже о более ранних типах государств, например, Шумеров.

Отсутствуют также исследования проблемы экономической безопасности вне ее связи с институтом «государство». Например, корректным ли является применение термина «экономическая безопасность государства», применительно к курдам или северным ирландцам и т.д., не имеющим своей государственности? А как быть с употреблением термина «экономическая безопасность государства» к таким государствам, как Приднестровская Республика, Абхазия и др., чья государственность не признана подавляющим большинством мирового сообщества? Интересно было бы также узнать, как решаются проблемы экономической безопасности государства в крохотных по территории и населению странах, например, таких как Андорра, Монако, Лесото, Лихтенштейн и др. Или применение этого термина касается только государств покрупнее по размерам? Если «да», то какими должны быть эти размеры?

Прямолинейность, с которой комментируются действующие нормы и положения нормативных правовых актов, регламентирующих правовое регулирование общественных отношений в сфере взаимодействия открытых социально-экономических систем, которыми являются государства, трудно поддаются логике. Так, например, общеизвестно, что на пространстве СНГ действуют нормы второго поколения моделей национальной безопасности с соответствующими наборами (перечнями) других безопасностей, якобы являющихся ее составными частями. Употребление термина «якобы» оправданно в данном случае потому, что ни в одной публикации, ни в одном нормативном правовом акте, касающемся освещения или регламентации отношений в сфере национальной безопасности, не раскрываются и не обосновываются принципы и критерии ее структурирования. Ни в одном! По мнению авторов, это, нечто, само собой разумеющееся! Вот подразделяется национальная безопасность на ... , и все тут! Складывается впечатление, что перечень безопасностей, включенных в национальную безопасность государства, свидетельствует о недостаточной фантазии их авторов. Поскольку в этом перечне отсутствуют такие безопасности как, например, алкогольная безопасность, наркотическая безопасность, сексуальная безопасность и т.д. Разве, скажем, повсеместное и поголовное злоупотребление алкоголем не наносит существенного вреда национальной безопасности? Или ущерб от него ниже, чем от других «опасностей и угроз», зафиксированных в виде сегментов национальной безопасности? Каков же тогда принцип отбора «опасностей и угроз» для создания перечисленных и не перечисленных видов безопасности? Каким образом они соотносятся и взаимодействуют между собой,

образуя, в понимании авторов такого подхода, целостную систему «национальная безопасность государства»?

Практически во всех принятых официальных документах стран СНГ, направленных на обеспечение безопасности государства, будь-то национальной, экономической, энергетической, военной и т.д., применяется «система сигнализации», построенная с использованием индексов, коэффициентов, пороговых значений, показателей, выполняющих роль индикаторов. По сути, это макроэкономические показатели, характеризующие темпы экономического роста. По логике, они должны соотноситься с явлением, например, «экономическая безопасность государства» следующим образом: чем выше (ниже) их уровень, тем выше степень безопасности. Теоретически это означает, что рано или поздно, они могут достигнуть такого значимого уровня, когда безопасность будет равна 100%! Но такого положения быть не может априори! Разве Япония или США, к примеру, достигнув самых высоких значений этих показателей по сравнению с Казахстаном, в меньшей степени, чем он, озабочены состоянием своей безопасности? Или Казахстан, обеспечив более высокие темпы роста указанных показателей по сравнению, например, с Кыргызской Республикой, спокоен за свою безопасность?

Сравнение комментариев, то есть, «научных» публикаций, написанных различными авторами, к любому из поколений этих моделей, свидетельствует об их однотипности и близнецовой схожести. Различие, может быть, состоит в том, что комментирование моделей второго поколения в большей степени основано на привлечении знаний из других отраслей науки, в частности, теории систем и синергетики. По всей видимости, такой подход применяется для того, чтобы убедить читающих, что законодатель, принимая соответствующие законы, регламентирующие правовое регулирование общественных отношений по поводу функционирования моделей экономической (национальной) безопасности, в строгом и обязательном порядке ориентировался на принципы общей теории систем и синергетики. Правда, найти доказательства этого никто так и не удосужился.

Ссылки же на использованные теории систем вообще грешат поверхностностью и научной некорректностью, поскольку не указываются персонализированные названия общей теории систем (ОТС). Трудно, а то и невозможно, дискутировать с такими авторами и их работами, поскольку не известны системы координат, в которые помещены описываемые ими системные объекты. Так называемая ОТС Людвига фон Берталанфи имеет свою систему координат и существенно отличается от ОТС Ю.А. Урманцева, ОТС А.И. Умова, или от ОТС Джона ван Гига и других. Системология, как наука о системности мира, формализующая методологические основы наук о системности и системах, признает наличие различных общих теорий систем по отраслям человеческих знаний, как одно из доказательств структурированности живой и неживой (косной) природы. Несомненно, между этими теориями систем имеется общее, основанное на общепризнанной методологии научных исследований различных объектов, выступающих в роли особенного, находящихся будь-то в стадии относительного покоя или динамического движения.

И уж совсем непонятным, во многих случаях, выглядит попытка некоторых авторов в рамках системного анализа отдельно обособлять ссылку на применение синергетики. По всей видимости, авторы упустили из виду тот факт, что синергетика является составной и неотъемлемой частью общей теории систем. Не важно, какого авторства и в какой отрасли человеческих знаний: философии, биологии, химии или социологии и т.д. Именно синергетика предлагает современную научную интерпретацию таких феноменов как самоорганизация систем, автоколебания, коэволюция, динамика неравновесных систем, диссипативные структуры, производство энтропии или нэгэнтропии в открытых системах, взаимодействующих с други-

ми системами с помощью MEI (вещества, энергии и информации).[1,3.] По всей видимости, подчеркивание упоминания о синергетике в контексте системного анализа, и за его рамками, является непреодолимым желанием многих авторов быть современными и модными. Но, к сожалению, не всегда модным выглядит то, что не к лицу! Оперирование терминологией синергетики по любому случаю, без глубокого онтологического и гносеологического анализа исследуемого мира, явлений и процессов, в частности, связанных с функционированием государств, как социально – экономических систем открытого типа, ничего не проясняет в научном плане об этом интересующем нас феномене и институте. Более того, в подавляющем числе случаев вводит в заблуждение!

Хотелось бы лапидарно остановиться еще на одном аспекте, непосредственно связанного с применением термина «экономическая безопасность государства». Речь идет о семантическом и этимологическом его анализе. Каковы различия между ним и такими терминами как «экономическая защита государства», «экономическая охрана государства», «экономическое противодействие государства», имеются ли между этими терминами сходство или, может быть, даже тождество? И, вообще, находятся ли эти термины в каком-либо соотношении между собой? В каких случаях употребим каждый из терминов, если он имеет право быть?

Автор не ставил своей целью развертывание полемики по данной проблеме со всеми теми авторами, кто так или иначе ее касался или не касался, поскольку такая работа характерна для труда монографического плана. Формат же статьи и ее рамки не дают возможности изложить исследование того множества работ, в которых рассматривались различные ее аспекты.

В качестве же объекта обсуждения предлагается использовать некую обобщенную модель экономической безопасности государства, смоделированную (или скомпилированную!) с помощью синтеза моделей, уже существующих, и предлагаемых другими авторами [2,6].

Мифы и реальность. Научный анализ виртуальной или умозрительной (как удобно!) модели экономической безопасности следует начать с ее определения. А таких публикаций, в которых упоминание экономической безопасности, впрочем, как и других направлений безопасности, насчитывается множество, без малейшей попытки выяснения предмета и объекта рассмотрения на основе сформулированного определения. Этим сразу же, из дальнейшего анализа исключаются все публикации, в которых оно отсутствует, ибо, как утверждали апологеты римского права и их адепты: «Нет дефиниции – нет явления!». Перед тем, как привести такое определение абстрагированной модели, необходимо оговориться о том, что оно выводится (является производным) из определения национальной безопасности. Описание обобщенной модели, экономической безопасности государства всегда, или практически всегда, включает ее в национальную безопасность, как составную структурную подсистему. Национальная безопасность возводится в ранг первичности по отношению к экономической безопасности. И только затем ранжируются другие виды безопасности: продовольственная, финансовая, экономическая, военная, информационная, нравственно-этическая, энергетическая, экологическая и др. [7].

Итак, общеупотребимым определением национальной безопасности государства на пространстве стран-участниц СНГ является синоним следующего: **«Национальная безопасность государства – это защищенность (состояние защищенности) жизненно важных интересов человека, гражданина, общества и государства, при которой обеспечивается своевременное выявление и предотвращение внешних и внутренних угроз этим интересам в разных сферах жизнедеятельности, обеспечивающих их устойчивое развитие».**

В приведенном определении нет ни малейшего упоминания об экономической безопасности государства. Оно появляется лишь при попытках раскрыть и обосновать его смысловое содержание и внутреннее строение. Практически все авторы сходятся во мнении, что экономическая безопасность является основой национальной безопасности государства. Этим самым зарождаются и закрепляются в сознании тех, кто интересуется этой проблематикой, правдоподобные теории и версии, модели и приемы, на основе которых затем тиражируются многие мифы об этом феномене.

Миф 1. *Экономическая безопасность государства является составной частью национальной безопасности государства.*

Реальность. Если отвлечься на непродолжительное время от дефиниций и обратить внимание на процесс описания многими авторами той конструкции модели национальной безопасности государства, которая закреплена нормами национального законодательства, то обнаруживается одно весьма существенное или даже кардинальное противоречие. Смысл противоречия сводится к следующему. Экономическая безопасность государства, являясь базисом, в силу того, что она охватывает и опирается на экономику государства (постоянную жизнедеятельность людей), не может являться вторичной по отношению к чему-либо. Без материальной основы любая конструкция эфемерна или умозрительна, витает в воздухе, она не постоянна и не обладает параметрами для ее количественного измерения и качественного выражения. По сути, экономическая безопасность государства и представляет собой то, что вкладывает подавляющее количество ученых в словосочетание «национальная безопасность государства».

Возьму на себя смелость утверждать, что, по всей видимости, указанное заблуждение и дальнейшая подмена понятий, связано с двумя обстоятельствами.

Первое обстоятельство – кажущееся близким на первый взгляд семантическое и этимологическое значение терминов «национальный» и «государственный». На самом же деле между этими терминами, и особенно между производными на их основе, существуют весьма выразительные отличия, например, между такими как: «национальная безопасность государства» и «государственная безопасность».

Второе обстоятельство связано с не совсем точным и адекватным восприятием многими учеными термина «национальная безопасность государства» и термина «национальная сила государства», появившегося в 80-е годы прошлого столетия и включающего порядка 160 показателей, поэтапно сводимых к небольшому количеству индексов, в целом характеризующих «комплексную национальную силу государства». Важнейшей особенностью «силы» является интегрированное отражение статичных позиций в области внешней политики (способность вносить вклад в международное сообщество), геоэкономического потенциала (способность к выживаемости в кризисных и экстремальных условиях), потенциала возможного силового давления (способность государства навязывать свои решения другим государствам).

Между терминами «национальная безопасность государства», «государственная безопасность», «национальная сила государства» и экономикой, ее состоянием и уровнем развития, являющейся базисом, на котором покоится конструкция экономической безопасности государства, существует прямая и тесная корреляция, подтверждением чему является распад СССР. Государство, которое во главу угла своей доктрины национальной безопасности ставило «государственную безопасность» и «силу», кануло в Лету, только потому, что не имело эффективной экономики. Следовательно, только экономическая безопасность государства, как воплощение эффективной экономики, но не надуманная национальная без-

опасность государства, как модель и институт, способна обеспечить динамическую устойчивость функционирования государства в историческом аспекте.

Настало время вернуться к дефинициям. Итак, под **экономической безопасностью государства** многие авторы понимают (синтезированная версия) часть национальной безопасности государства, при которой обеспечивается гарантированная защищенность (состояние защищенности) жизненно важных интересов государства, общества и граждан от внутренних и внешних угроз, подрывающих достигнутый уровень жизни.

На основе определения, подобного этому, являющегося предметом и объектом дальнейшего анализа, создан целый ряд мифов, покрывающих «сиреневым» туманом научную теорию экономической безопасности государства.

Миф 2. *Экономическая безопасность государства представляет собой защищенность (состояние защищенности) неких интересов.*

Реальность. Основной тезис мифа сводится к тому, что экономическая безопасность, наподобие скорлупы или какого-то другого покрытия, обладающего защитными свойствами, создает некий защитный панцирь для государства и его социальных объектов. При этом идея защищенности культивируется только в отношении национального государства как одинокого статичного объекта вне пронизывающих и охватывающих его связей с другими такими же равноправными объектами мировой экономической системы. На самом же деле любое государство представляет собой сегмент, больший или меньший, планетарной системы распределения и потребления тех природных ресурсов, которые находятся в пределах его национальных, всеми признанных, границ. В одних государствах в избытке одни ресурсы и дефицитными являются другие. Именно поэтому человеческая цивилизация выработала всеми признанные и для всех приемлемые принципы обмена одних ресурсов на другие без ущерба для сторон, назвав такой процесс мировой или международной торговлей. Объективная необходимость учета желаний и возможностей каждого государства, лежащих в основе понятия интереса и факторов, его формирующих, базируется на принципе распространения свободы, который гласит: «Свобода функционирования одного объекта заканчивается там, где начинается свобода другого объекта, а степень свободы объектов определяется их взаимным и добровольным соглашением об уступке». В соответствие с настоящим принципом, отдельно взятому государству невозможно избежать объективной необходимости быть участником этого процесса. Даже такие государства-изгои как Северная Корея или Куба не могут не участвовать в этом процессе. При этом степень свободы (возможности) их торговых отношений намного ниже, чем степень свободы других стран. В равной степени это характерно и для целого ряда непризнанных мировым сообществом государств. Попытки построить некую защиту каких-либо интересов и добиться состояния защищенности для национальной экономики от участия в мировом разделении труда, обособится от существующего темпоритма его функционирования, удовлетворяя при этом чьим-либо интересам, также утопично, нереально [4]. Невозможно требовать, чтобы, например, день или ночь, лето или зима изменили свой порядок смены (темпоритм) ради удовлетворения требованиям по защищенности климата (интересов) некоего государства. Гарантировать обеспечение состояния защищенности каких-либо или чьих-либо интересов в таких условиях возможно только путем применения силы одним государством для того, чтобы отнять некий ресурс у другого государства. Но такой сценарий не имеет никакого отношения к экономической безопасности государства.

Миф 3. *Жизненные интересы государства, общества и гражданина совпадают и поэтому могут быть защищены экономической безопасностью государства.*

Реальность.

Мифологизация тезиса о совпадении интересов государства, общества и гражданина в значительной степени базируется на политической составляющей.

Мы же попытаемся рассмотреть этот вопрос с позиции экономики. Неужели с научной экономической точки зрения интересы государства, общества и гражданина в период, например, коллективизации 30-х годов прошлого столетия в СССР совпадали? Навряд ли они совпадали и в период НЭПа (новой экономической политики) во второй половине 20-х годов того же столетия. Или, может быть, они совпадали на всем протяжении существования СССР? Или совпадают сейчас, в период построения рыночных отношений на пространстве уже бывшего СССР? Неужели миллиардеры из списка в журнале «Форбс», живущие в Казахстане и зарабатывающие на его ресурсах миллиардные состояния, имеют интересы, совпадающие с интересами почти 3 миллиона граждан Республики, отнесенных к так называемому самозанятому населению? Ведь эта часть трудоспособного населения, вынужденная выживать самостоятельно и каждый день, осталась и вне интересов государства, поскольку они не охвачены созданием пенсионных накоплений, а, следовательно, и созданием комфортных условий в старости. К ним следует добавить и так называемые целевые группы граждан, испытывающих трудности при трудоустройстве. Налицо явное противоречие интересов государства, общества (как-никак четверть взрослого населения страны!) и гражданина. Следовательно, уместно задаться вопросами, например: «Каким образом экономическая безопасность государства должна защитить интересы указанных объектов?», «А если принципиально, то должна ли она вообще их защищать и защищать что-либо или кого-либо?», «Присуща ли такая функция феномену «безопасность»?»

Отсутствие элементарного научного анализа указанных вопросов и ответов на них, позволяет утверждать о попытках сторонников этой идеи «притянуть за уши» к проблеме экономической безопасности государства, проблемы, не имеющие к ней ни малейшего отношения. И государство, и общество, и гражданин, естественно, могут иметь в чем-то сходство или общее в своих интересах, может быть, даже в сфере экономики, непонятно только, почему экономическая безопасность государства, как неперсонифицированный объект, обязана защищать эти интересы.

Миф 4. *Внутренние и внешние угрозы являются синонимом опасности.*

Реальность. Как и в приведенном выше определении понятия «экономическая безопасность государства», так и в подавляющем количестве их определений термин «угроза» подменяет термин «опасность». Но ведь в определении «экономическая безопасность государства» корневой смысл сосредоточен именно в термине «безопасность», понимаемый не иначе как «без опасности». Причем в таком случае, угрозы!? Или, если речь идет действительно об угрозах как однопорядковом термине с опасностью, то тогда следует употреблять неудобочитаемый и неудобопроизносимый термин «безугрозность» - «экономическая безугрозность государства». Или, на самом деле, и угрозы, и опасности – суть одно и то же?

В практическом приложении теории катастроф, как разделе математики, описывающей с помощью дифференциальных уравнений процессы бифуркации сложных и суперсложных систем (организмов), их зарождение, развитие и разрушение, под опасностью в живой и косной природе понимается вероятность аннигиляции, т.е. исчезновения, разложения или разрушения, вплоть до атомарного уровня. В частности, для живых существ под опасностью подразумевается вероятность появления препятствий для воспроизводства и продолжения рода. Теория вероятности трактует вероятность как то, что может произойти, но не обязательно должно произойти. Для того, чтобы наступила вероятность события, должны создаться условия,

обозначаемые термином «возможность», т.е. сначала должна создаваться возможность в виде накопленного количества определенного качества и только затем, при определенном уровне количества (уровне значимости или доверительности) наступает вероятность события, несущего опасность быть уничтоженным. Собственно, с момента уничтожения материального объекта начинается переход его в новое качество, которое пройдет тот же путь количественных накоплений и придет к бифуркационной точке в своем диалектическом развитии.

Бифуркационное развитие само по себе не является источником опасности. Для него характерно лишь количественное накопление определенных качеств, которые при определенных их уровнях эволюционно приводит к появлению нового качества, которое начинает извечный путь количественных накоплений и их перехода. Это так называемый прогрессивный эволюционный путь или восходящая его ветвь. Различают и регрессивный путь, ведущий к деградации системы. Вместе с тем, теорией катастроф математически описываются случаи, когда система, успешно следуя по восходящему пути, вдруг резко возвращается к исходной точке своего развития, предполагающей отрицание всех накопленных количеств качества. Эти случаи и представляют собой так называемые катастрофы. Таким образом, катастрофа - это реализованная опасность, т.е. 100% (или близко к этому уровню) уровень вероятности события.

Обратимся теперь к определению понятия термина «угроза». В толковых словарях русского языка Даля, Ушакова, Брокгауза и Эфрона, Ожегова, под угрозой понимается обещание, намерение возможного причинения зла, неприятности, вреда кому-либо, высказанных в любой форме. Таким образом, угроза представляет собой всего-навсего возможность, но, никоим образом не вероятность (даже ее низких значений значимости или доверительности), имеющая прямое отношение к формированию опасности и ее проявлению в виде катастрофы.

Следовательно, опасность и угроза (ы) изначально не могут являться синонимами и подменять друг друга в текстах. Лучше всего их близость выражает известная поговорка, характеризующая уровень родственных связей – «Седьмая вода на киселе».

Миф 5. *Достигнутый уровень жизни является следствием функционирования экономической безопасности государства.*

Реальность. На самом деле сформулированный тезис мифа представляет собой не что иное, как пропагандистский лозунг, к которому прибегают сначала те, кто ответственен за формирование государственной политики в социальной сфере, а затем те, кто пишет научные публикации по тематике экономической безопасности государства.

В мире существуют десятки больших и малых государств, не имеющих или имеющих очень мало природных ресурсов в виде полезных ископаемых. Но уровень жизни в них очень высокий, например, в Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Японии, Южной Корее, Сингапуре и ряде других стран. В Норвегии только 3% территории пригодно для выращивания сельскохозяйственных культур, что практически не сказывается на нынешнем состоянии экономики.

Не меньше, если не больше, в мире и государств, хвастающихся тем, что в их недрах находится вся таблица Менделеева. Но, почему-то в этих странах уровень жизни в разы ниже, чем в странах перечисленных (и не перечисленных).

Если следовать логике мифа, то в первом случае именно экономическая безопасность государств обеспечила высокий уровень жизни их граждан, во втором случае, именно экономическая безопасность государства не смогла обеспечить этого высокого уровня жизни. Не состояние и не эффективность развития экономики,

не качество управления государством, не уровень развития общества, не духовное и физическое состояние его граждан, а только и именно - функционирование экономической безопасности государства! Элементарные упражнения из курса формальной логики свидетельствуют о том, что не экономический уровень развития государства, а, соответственно, и уровень жизни населения, являются следствием функционирования института «экономическая безопасность государства». Наоборот! Только состояние экономики, ее развитие и соответствие производительным силам, имеющим высокую производительность труда и эффективность использования ресурсов, является первоосновой повышения жизненного уровня населения. Экономическая же безопасность государства лишь фиксирует status quo того, что имеется, не добавляя и не убавляя его.

Приведенный перечень мифов, связанных с экономической безопасностью государства, не является исчерпывающим. Он значительно шире и зависит от конкретного определения понятия феномена и института «экономическая безопасность государства». Чтобы не злоупотреблять страничными рамками статьи, автор считает необходимым ограничиться только этим перечнем.

Упреждая возможные вопросы, связанные с приверженностью автора статьи к каким-либо определениям экономической безопасности и ее моделям, позволю себе привести такую дефиницию, являющуюся результатом многолетней работы по пониманию сущности сначала упомянутого феномена, а только затем – его института. Должен предупредить читателя о том, что данное определение несколько сокращенное, но приемлемое для сравнения и понимания. Развернутое же определение более сложное и оперирует терминами, требующими своего разъяснения, что не входит в рамки статьи.

Итак, экономическая безопасность государства это постоянный процесс динамической устойчивости социально-экономической системы от воздействий внешней среды, направленных на получение доступа к ее жизненно важным ресурсам [5].

Рамки статьи не позволяют, даже кратко, остановиться на научном комментировании приведенного определения. Выходом из положения, на взгляд автора, является цитирование выражения, приписываемого Конфуцию, и которое в наибольшей степени формулирует квинтэссенцию подобного комментария сентенции экономической безопасности государства: «Если по водной глади ударить острым мечом, то через мгновенье она примет прежнее состояние и вид».

Научный анализ казахстанской модели экономической безопасности.

По законам жанра, перед тем как развернуть кульминацию, необходимо вначале сформулировать ее фабулу. Следовательно, необходимо было бы начать с существующей формулировки определения казахстанской модели института «экономическая безопасность государства». Формулировка носит официальный характер и узаконена Законом Республики Казахстан «О национальной безопасности Республики Казахстан» от 28 июня 1998 года. Присутствует она также и в «Стратегии экономической безопасности Республики Казахстан на 2001 – 2005 гг.», одобренной Указом Президента Республики Казахстан от 7 февраля 2001 года. Ее редакция буквально следующая: **экономическая безопасность государства - это «...состояние защищенности национальной экономики Республики Казахстан от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу ее устойчивое развитие и экономическую независимость».**

По всей видимости, отсутствует необходимость еще раз возвращаться к научному анализу феномена «экономическая безопасность государства», в связи с использованием в приведенном определении, и «...состояния защищенности...», и

«...внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу...». Целесообразнее и оправданнее было бы посмотреть, как же практически работает казахстанская модель экономической безопасности государства, насколько эффективно функционирование института экономической безопасности государства на современном этапе. По вполне понятным и уважительным причинам автор не в состоянии провести такой масштабный и глубокий анализ. Поэтому вниманию будут предложены только некоторые его фрагменты.

В контексте рассматриваемой темы закономерной является постановка вопроса: «Что ставит под угрозу устойчивое развитие и экономическую независимость государства – экономическая безопасность или действия менеджеров высшего, среднего и низшего звеньев?». В зависимости от предпочтений, которые могут возникнуть при ответе на поставленный вопрос, возможны два ответа.

Первый. В приближающемся провале решения поставленной задачи виновата экономическая безопасность государства, не сумевшая защитить национальную экономику от внутренних и внешних условий, процессов и факторов, ставящих под угрозу ее устойчивое развитие и экономическую независимость. В таком случае, действительно, экономическая безопасность государства создает состояние защищенности, но только для тех государственных служащих, которые провалят поставленную задачу. Никакого отношения ни к устойчивому развитию, ни к экономической независимости такое состояние защищенности не имеет, и иметь, изначально, не может.

Второй. Невыполнение задачи, поставленной Главой государства, связано с некомпетентными действиями управленцев – государственных служащих. Именно такие их действия явились основой для появления внутренних и внешних условий, процессов и факторов, поставивших под угрозу устойчивое развитие и экономическую независимость государства. Поскольку действия государственных управленцев тоже охватываются определением экономики, как повседневной жизнедеятельности людей, то именно они внесли свой «весомый вклад» в ее развитие. Вопрос об ответственности нами не рассматривается, поскольку он выходит за рамки и контекст настоящей статьи.

Резюмируя, следует акцентировать внимание на том, что Казахстану необходимо пересмотреть свою доктрину экономической безопасности государства и приступить к созданию ее казахстанской модели без снятия кальки с других моделей. В каком соотношении с проблемой экономического роста должна находиться экономическая безопасность государства, чтобы обладать свойствами водной глади после удара по ней мечом? - коренная проблема доктрины!

Список литературы:

1. Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: Синергетика и теория социальной самоорганизации. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 480с.
2. Кузнецов В.Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России. /Будущее России в зеркале синергетики//Под ред. Г.Г. Малинецкого. М.: КомКнига, 2006. – 272с.
3. Поздняков А.В. Самоорганизация целостных систем как результат спонтанного стремления к равновесию. 2002. Т. 15, №1. С. 101 – 109.
4. Прыкин Б.В. Новейшая теоретическая экономика. Гиперэкономика: Учебник. – банки и биржи, ЮНИТИ, 1998.- 445с.
5. Сандрачук М.В. Экономическая безопасность государства: собственность как источник опасности и угроз для социально-экономической системы: Монография. – Астана, 2003. – 167с.